

А.Ю. Ермолов

**Либеральная утопия, суперэтатизм и гибридное государство-корпорация:
конкуренция между моделями в XVI–XVIII вв. в Индийском океане¹**

В современном мире продолжают споры о том, куда ведут современные тенденции общество и государство. Высказываются разные предположения и пожелания о том, каким должно быть будущее государства: должно ли оно усилиться или ослабнуть, и, в последнем случае, что должно прийти на освобожденное государством место? Может быть, господство корпораций? Или рыночная либеральная утопия?

Парадоксальным образом, в прошлом имелся пример, который можно рассматривать как экспериментальное столкновение социальных структур, построенных по моделям, удивительно похожим на те, что сейчас обсуждаются в упомянутых выше дискуссиях. Это события, происходившие вокруг торговли в Индийском океане в XVI-XVIII веках. Конечно, нельзя утверждать, что в современных условиях результат будет таким же, какой получился в прошлом, но нужно рассмотреть и учесть этот опыт.

К началу XVI века Индийский океан был центральным звеном в сложившейся системе торговли, в которую были вовлечены Индия, Персия, Арабский восток, Индокитай, Индонезия, Китай, Средиземноморье и Восточная Африка. Некоторые авторы называют её Афроевразийской мир-системой². Европейское Средиземноморье было второстепенной зоной этой системы, примерно равной по значению с Восточной Африкой. В то же время в рамках этой системы не было такой иерархической структуры, которая сформировалась позднее в рамках мировой экономической системы, построенной вокруг Западной Европы. Не было ярко выраженного центра.

¹ © А.Ю. Ермолов, 2018 г.

² Chase-Dunn C., Hall T.D. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO: Westview press, 1997. P.149; Гринин Л.Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ // Век глобализации. №1 (7), 2011. С. 82.

Возможно, самой развитой частью системы был Китай, но он не занимал в ней доминирующего положения, а был, скорее, пограничной зоной.

Примечательно, что торговля в Индийском Океане была по сути наиболее близким из возможных в реальной жизни воплощением либеральной утопии свободной торговли. Регулирование со стороны государств в нем присутствовало только в периферийных зонах, торговцы перемещались и торговали не зависимо от своего подданства, конкурируя друг с другом и игнорируя военные конфликты. Люди свободно перемещались на пространстве от Марокко до Манчжурии. Государства либо вообще не придавали какого-то значения торговле, либо старались создавать для неё наиболее удобные условия. Таможенные тарифы были исключительно низкими. Не было претендентов на то, чтобы единолично контролировать торговые пути. Отчасти это может объясняться геополитической ситуацией в регионе, отчасти – влиянием ислама, в священной книге которого содержится ряд указаний на богоугодность торговли. Соответственно покушение на свободу торговли со стороны правителя могло восприниматься как нарушение религиозных принципов.

Могла ли торговая система Индийского Океана стать альтернативным вариантом мировой экономической системы? Если бы она стала таковым, то мировая экономическая система была бы устроена совершенно по-другому, функционировала бы на иных принципах. Но нельзя не отметить, что эта система (точнее, её центральная зона) проявляла крайне низкий интерес к экспансии и, возможно, принципиально была к ней не способна. Её границы оставались неизменными с середины первого тысячелетия нашей эры, когда торговля на Цейлоне соединила товарные потоки из Европы и Китая.

В XVI-XVII веках сильнейшим государством региона была империя Великих Моголов, контролировавшая большую часть Индии. Главным источником её доходов был земельный налог. Торговля же не рассматривалась правителями этого государства как непосредственный источник дохода. В то же время они понимали её необходимость для того,

чтобы непосредственный производитель мог получить в свои руки нужную для уплаты налогов сумму денег, в том числе за счет перехода к производству товарных сельскохозяйственных культур (хлопок, сахарный тростник, индиго). В силу этого имущество и права купцов были хорошо защищены³.

Оборотной стороной свободы торговли в Индийском Океане было то, что крупные государства региона были недостаточно заинтересованы в её сохранении, так как их доходы были зависимы от неё в незначительной мере. К тому же им было не важно, кто именно ведет эту торговлю: арабы, португальцы, голландцы или англичане. Более мелкие государства (например, Малакка, Каликат, Аден), чье благосостояние действительно критически зависело и от торговли, и от сохранения её свободного режима, были слишком слабы, чтобы её защитить. Дело тут даже не только в их малых размерах, но и в том, что их правительства с одной стороны и торговые элиты Индийского океана с другой не создали и не отработали механизмов взаимодействия друг с другом для совместной защиты общих интересов. Эту слабость вскрыло появление в Индийском Океане португальского флота. Произошедшее в результате столкновение привело к краху либеральной утопии под напором хорошо вооруженного португальского суперэтатизма.

Португальцам пришлось действовать в сложных условиях: впервые в истории человечества война велась на таком удалении от территории одной из участвующих сторон. Это очень ограничивало силы, которые могла выделить для военных кампаний в Индийском океане Португалия, которая и сама по себе не была в начале XVI века крупной военной державой в силу своего скромного демографического и экономического потенциала. Путь в Индийский океан занимал у португальских армад почти полгода, и по дороге

³ Померанц К. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М.: Издательский дом «Дело», 2017. С. 293-305.

были потеряны десятки кораблей. Тем не менее, Португалия одержала победу в силу слабости своих противников.

С самого начала португальцы начали истреблять местное торговое судоходство, с целью разрушить находящуюся в руках местных купцов торговлю пряностями. Выдержать мирную конкуренцию португальцы не могли, так как у них не было ни пользующихся спросом в Азии товаров, ни возможности ввозить в значительных масштабах драгоценные металлы. В 1501 году португальцы обстреляли порт Каликут, захватили 10 торговых кораблей и с их грузом отправились в Лиссабон. В 1503 – потопили первый египетский торговый корабль. В 1504 году жертвами португальцев стало уже 17 торговых кораблей. При помощи венецианцев египтяне создали в Индийском океане военный флот, но он был разгромлен в 1509 году в битве при Диу. В 1510 году португальцы захватили Гоа, а в 1511 – Малакку. Так началось формирование португальской *Estado da India*.

Преимущество Португальцев в военных технологиях, в первую очередь в конструкции кораблей и в морской артиллерии (литые бронзовые пушки), оказалось подавляющим. В сухопутных операциях португальцы имели преимущество за счет качественных доспехов и ручного огнестрельного оружия (последний фактор был менее важен, так как некоторые из противников португальцев сами были неплохо вооружены. Так же немаловажным фактором был боевой опыт капитанов и экипажей. Все вместе это давало португальцам превосходство на море и фактически непобедимость в небольших сухопутных операциях по захвату и удержанию ключевых пунктов на побережье. Относительно успешно противостоять португальцам в Индийском океане могла только Османская империя, и то лишь в северо-западной его части. Это сопротивление, впрочем, имело серьезные последствия, так как не позволило Португалии полностью взять под контроль торговлю в Индийском океане и даже привело к частичному восстановлению торговли пряностями на Средиземном море.

Созданная Португалией империя была необычной с двух точек зрения. Во-первых, это была империя укрепленных торговых анклавов, связанных между собой лишь морскими путями. «Португальская Индия означала не четко определенное географическое пространство, но комплекс территорий, учреждений, товаров, персон и административных интересов в Азии и Восточной Африке, созданных или подчиненных Португальской короне, связанных сетью морских коммуникаций»⁴. Во-вторых, это было суперэтатистское государство, очень жестко контролирующее экономическую деятельность и активно участвовавшее в ней напрямую. Португальский историк Мануэль Диас назвал эту систему «португальский монархический капитализм».⁵ Фактически португальский монарх действительно был главным капиталистом в своей стране. Он и его чиновники непосредственно занимались организацией военных и коммерческих экспедиций (скорее даже, военно-коммерческих экспедиций) и непосредственно контролировали торговлю специями, приносящую более трети доходов в бюджет (больше, чем европейские территории королевства). При этом корона часто шла на сотрудничество с частным капиталом в разных формах: посредничестве при продаже товаров, сдаче в концессию некоторых морских маршрутов, откуп налогов и торговых пошлин⁶. В этой деятельности широко участвовал иностранный капитал.

Случайно ли португальский суперэтатизм победил исламский торговый либерализм? Институты, выработавшиеся в рамках исламского торгового либерализма, показали свою эффективность при условии равной конкуренции. Там, где за спиной европейских торговцев не было военно-политической поддержки, они обычно проигрывали, уступая рынки местным

⁴ The Political Economy of Merchant Empires. State Power and World Trade. 1350-1750. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 304.

⁵ Ibid. P. 301.

⁶ Subrahmanyam S. The Portuguese Empire in Asia. 1500-1700. A Political and Economic History. Б.м. Wiley-Blackwell, 2012. P. 243-250.

купцам⁷. Б.Ю. Кагарлицкий справедливо отмечал: «Преимущество европейских предпринимателей было не в большей эффективности и более передовой коммерческой «технике», а в большей концентрации капитала, это было преимущество крупных монопольных корпораций над независимым бизнесом, пытающимся жить по законам свободной торговли. Но главным фактором, обеспечивавшим превосходство западных компаний над туземным купечеством, была из военно-политическая организация и тесная связь с государством»⁸.

В то же время нельзя не отметить, что португальский суперэтатизм имел свои существенные ограничения, которые не позволяли в полной мере освоить ресурсы, которые оказались в зоне его досягаемости в бассейне Индийского океана. Он успешно взял под свой контроль торговлю между Индией и Европой, но препятствовал её расширению своей жесткой монополистической политикой. И он совершенно не мог справиться с другой задачей: взять под контроль торговлю «из Индии в Индии», то есть местную торговлю в Индийском океане. Португальское господство в Индийском океане не смогло изменить традиционную систему торговли, которая была разрушена в XVII веке другими силами⁹. Для решения этой задачи потребовался новый тип структуры, и создали его не португальцы, а голландцы и англичане. Эта новая структура победила Estado da India, вырвав из него его лучшие куски.

Успешная борьба Голландской Ост-Индской компании (VOC) против Estado da India привлекала внимание многих ученых, выдвигавших свои версии причины поражения португальцев. Некоторые из них считали, что португальский колониальный режим по своей природе был азиатским, а не

⁷ The Rise of Merchant Empires. Long-distance Trade in the Early Modern World 1350-1750. Cambridge: Cambridge University Press. P. 396-399; Померанц К. Указ. соч. С. 254.

⁸ Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: ВШЭ, 2010. С. 450.

⁹ The Political Economy of Merchant Empires. P.3.

европейским¹⁰. Он представлял собой пример редистрибутивного предпринимательства, типологически близкого к тому, что имело место в Османской империи, в то время как его конкуренты из VOC были рационально организованной структурой, стремящейся к прибыли¹¹. Эта традиция представляется мне неверной в силу того, что в данном случае борьба представляла собой не свободную конкуренцию, а прямую войну, а, следовательно, для объяснения поражения в первую очередь следует искать стратегические и политические причины. Верно в ней только то, что Estado da India не могла использовать критерий прибыльности. Но причиной была не нехватка рациональности у португальцев, а то, что Estado da India было государственным учреждением, чья капитализация не поддавалась определению. VOC же была акционерной компанией, чьи акции торговались на бирже, и это позволяло говорить о стоимости компании и определять её прибыльность.

С военной точки зрения причиной поражения Португалии была стратегическая пассивность. Голландцы посылали экспедиции на захват их владений, но португальцы лишь оборонялись и не пытались перейти в наступление. Кроме того, у португальских форпостов в Индийском океане не было «хинтерланда», опираясь на который можно было бы продолжить борьбу. Такой «хинтерланд» был у португальцев в Бразилии, где их владения были построены по принципу территориальной империи. Отступив туда и перейдя к ведению партизанской войны, португальцы смогли добиться в Бразилии победы над голландцами.

Проблемы португальцев имеют корнем Иберрийскую унию 1580-1640 годов. Португалия и её заморская империя попали под власть испанских королей, которые не знали (и, видимо, не желали знать) тонкостей её внутреннего устройства, а хотели лишь получать от неё доходы. Также

¹⁰ Van Leur J.C. .Indonesian Trade and Society: Essays in Asian Social and Economic History. The Hague: W. van Hoeve, 1955. P. 118-119.

¹¹ Steensgaard N. Carracks, Caravans and Companies: The Structural Crisis in the European-Asian Trade in the Early Seventeenth Century. Copenhagen: Institute of Asian Studies, 1973.

испанское правительство было весьма скупым и осторожным в тех случаях, когда бывшие португальские колонии нуждались в защите. Такое поведение стало одной из причин антииспанского восстания в Португалии. Однако последующая война за независимость только ухудшила положение португальских колоний, так как теперь метрополия вообще не имела возможности оказать им хоть какую-то помощь, но зато весьма охотно изымала последние ликвидные средства.

Их голландский конкурент со своей стороны имел возможность широкого привлечения частного капитала для организации военных экспедиций против португальских колоний. VOC пользовалась всеми преимуществами тесной связи с Голландским государством, но при этом ей не требовалось постоянное участие в управлении правителей страны. Сравнительными преимуществами VOC, обеспечившими её успех, были её автономность от государства и способность мобилизовать капиталы для своей экспансии. Они вытекали из её своеобразного гибридного характера, сочетавшего черты частной компании и квазигосударственной структуры.

Аналогичный характер имел и третий участник борьбы, английская Ост-Индская компания (EIC). Исторически она считается первой, а остальные (Голландская, Французская, Датская, Шведская) – её подражателями. Елизавета I подписала хартию, жалующую компании монопольные права на торговлю от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива, 31 декабря 1600 года. В ней компания была с самого начала названа «единой корпоративной и политической организацией»¹². Её голландский конкурент появился на свет чуть позже, в 1602 году. Но фактически именно голландская Ост-Индская компания первой встала на путь превращения в квазигосударственную структуру. Изначально она не планировалась таковой, предполагалось лишь торговать в Индийском океане. Но очень быстро стало понятно, что нужна не только военная сила для защиты этой торговли от

португальской монополии, но ещё требуются территориальные захваты источников сырья, чтобы установить свою собственную. Фактический создатель VOC Ян Питерзон Кун выразил эту стратегию следующим образом: «В Индии торговля развивается и поддерживается под прикрытием нашего оружия; и поскольку оружие мы оплачиваем доходами от торговли, очевидно, что мы не можем торговать без войны точно так же, как мы не можем воевать без торговли»¹³. И хотя далеко не всегда совет директоров VOC поддерживал его смелые планы, все же голландцам при нем и его последователях удалось построить свою торговую империю в Ост-Индии, в которой рыночные методы сочетались с насилием, направленным вовне и вовнутрь. Доступ к финансовым рынкам и помощь государства кадрами и вооружением позволили голландцам пойти на то, на что не решились ранее португальцы – строительство своей территориальной империи в Азии.

VOC не просто поставила источники сырья под контроль, она их переформатировала под нужды своей торговли, значительно увеличив при этом товарность хозяйства. Амбон стал островом гвоздики, Банда – архипелагом мускатного ореха, Цейлон – островом корицы. В то же время гвоздичные деревья на Молуккских островах были вырублены, а плантации корицы в Кочине уничтожены¹⁴. Одновременно VOC овладела рядом ключевых торговых маршрутов «из Индии в Индию»: продажей индонезийских пряностей в Индии, индийского текстиля в Индонезии и Сиаме, Сиамского олова по всей Азии и даже в Европе. Во времена португальского господства Азия оставалась ещё для европейской мир-экономики внешней сферой¹⁵. Но VOC и EIC начали менять ситуацию.

¹² Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 39.

¹³ Цитировано по: Кагарлицкий Б.Ю. Указ. соч. С. 265.

¹⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.3. Время мира. М.: Весь мир. 2007. С. 215-216.

¹⁵ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мир-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 410-417.

Английская Ост-Индская компания первый век своего существования не приобрела ещё квазигосударственный характер. Её политические функции в основном ограничивались поддержанием порядка в принадлежащих её факториях и фортах. В XVIII веке ЕIC начинает вмешиваться в дела индийских княжеств, первоначально наиболее слабых и мелких. Перелом происходит в середине XVIII века, когда в результате конфликта с Францией ЕIC переходит к более активным действиям и обнаруживает свое подавляющее военное превосходство над местными правителями.

Спецификой ЕIC и VOC был их двойственный характер, сочетание с одной стороны торговой компании, с другой – властной структуры. Это позволяло ЕIC выступать как политике местного типа для индийцев, сохраняя при этом формально-рациональную структуру управления, как у торговой фирмы. Показательно, что с точки зрения рациональной организации управления Ост-Индская компания во многом опережала собственно английское государство, которое впоследствии заимствовало её управленческие наработки¹⁶. Чистая прибыль ЕIC была всего в 5 раз меньше дохода британской казны. Получается, это квазигосударство было в какой-то момент более эффективным в административной сфере, чем самая передовая капиталистическая страна. В военном отношении силы Ост-Индской компании превосходили сухопутные войска метрополии¹⁷.

В условиях XVII-XVIII веков такая квазигосударственная форма была востребована и необходима для того, чтобы, во-первых, поставить под свой контроль местные торговые потоки, а во-вторых, используя одновременно контроль над торговыми потоками и политический контроль над захваченными территориями, преобразовать характер ведущейся там экономической деятельности. Ост-Индские компании принуждали местных жителей выращивать одни сельскохозяйственные культуры и запрещали возделывание других. Они своей налоговой политикой вынуждали за счет

¹⁶ Фурсов К.А. Указ. соч. С. 320-321.

¹⁷ Там же. С. 326.

собственного потребления повышать товарность хозяйства. Эта же налоговая политика привела к краху традиционного ремесленного производства, расчистив жизненное пространство для британской индустриальной экономики.

Но, выполнив свою задачу, гибридное государство-корпорация исчерпало свою полезность для метрополии. В результате британское правительство начинает ограничивать права компании, подчиняя её государству и заставляя открыть рынки для независимых предпринимателей. Несмотря на все предыдущие успехи ЕИС, противостоять породившему её государству она оказалась не способна.

Парадоксальным, хотя и закономерным итогом формирования глобальных колониальных империй в результате масштабной и последовательной деятельности государств и квазигосударств стало формирование таких условий, в которых активное вмешательство государства стало не нужным и даже вредным и для экономического развития метрополии, и для усиления эксплуатации зависимых регионов. Этим можно объяснить господство в XIX веке идеей свободной торговли, невмешательства государства и т.д. Может даже показаться, что значение этих идей вышло за рамки рациональных инструментов и стали почти религиозными ценностями. Но, в отличие от торгового либерализма, когда-то господствовавшего в Индийском океане, это был новый либерализм, тесно связанный с империализмом. Б. Зиммель использовал для обозначения этого единства понятие «империализм свободной торговли»¹⁸.

Вот так описал этот специфический империализм Н. Фергюсон: «Британская империя ... действовала примерно на четверти мировой суши как относительно некоррупцированное учреждение, насаждающее свободный рынок, верховенство закона, защищающее инвесторов. Также англичане посредством «фритредерского империализма» много сделали для

¹⁸ Semmel B. The Rise of Free Trade Imperialism: Classical Political Economy, the Empire of Free Trade and Imperialism 1750-1850/ Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

поощрения принятия этих принципов странами, которые не принадлежали к империи, однако находились в орбите её экономического влияния¹⁹». Либеральное отрицание государства было закономерным следствием успешной реализации мер и проектов, задуманных или поддержанных государством.

Таким образом, мы видим, как за четыре столетия история совершила путь по спирали. В начале пути мы видим господство свободного от государственного вмешательства рынка, близкого к либеральной утопии. Но затем свободный рынок проигрывает суперэтатистскому государству, использующему для решения проблемы конкуренции вооруженную силу. В свою очередь суперэтатизм проигрывает гибридному государству-корпорации, более автономному и лучше способному привлекать частные средства. Победив, государство-корпорация уступает место «империализму свободной торговли», где сильное государство выступает гарантом либеральных экономических свобод.

¹⁹ Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: Астрель, 2013. С. 26.